

**СОЦИАЛЬНОЕ ИЖДИВЕНЧЕСТВО И СОЦИАЛЬНЫЙ
ПАРАЗИТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ПРИЧИН И ФАКТОРОВ СУЩЕСТВОВАНИЯ**

И. С. Карпикова, Е. В. Зимина, А. А. Соломеин

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
10 января 2018 г.

Дата принятия к печати
28 февраля 2018 г.

Дата онлайн-размещения
30 марта 2018 г.

Ключевые слова

Социальное иждивенчество;
социальный паразитизм;
социологическое
исследование; экспертное
интервью

Финансирование

Издаётся при финансовой
поддержке Федерального
государственного бюджетного
учреждения «Российский
фонд фундаментальных
исследований» в рамках
реализации в 2017 г. научного
проекта № 17-03-00477 / 17
«Влияние идей патернализма
на поведенческие стратегии:
исследование практик
социального иждивенчества
и социального паразитизма
отдельных категорий
населения» (протокол № 4 (186)
от 15 марта 2017 г.)

Аннотация

Проблема распространенности в современной России практик социального иждивенчества и паразитизма признается в числе актуальных как специалистами социальной сферы, так и исследователями. Очевидность социального иждивенчества как социальной проблемы, требующей эффективных усилий по ее решению, обуславливает существование научной проблемы, состоящей в ограниченности знаний о причинах и факторах, порождающих и поддерживающих данное явление. Анализ существующих по данной теме исследовательских работ показывает, что большинство из них носит описательный и констатирующий характер. Эмпирические исследования проблемы немногочисленны и фрагментарны. Статья посвящена анализу результатов качественного социологического исследования содержания, причин возникновения и факторов поддержания практик социального иждивенчества и паразитизма. Коллективное экспертное мнение было получено исследователями в ходе проведения полуструктурированного интервью и фокус-группы с экспертами, представляющими региональный уровень управления социальными процессами. В работе сделаны выводы о возможных направлениях деятельности государства и общества по ограничению распространения практик социального иждивенчества и паразитизма.

**SOCIAL DEPENDENCY AND SOCIAL PARASITISM IN MODERN
RUSSIA: AN EXPERT ASSESSMENT OF THE CAUSES
AND FACTORS OF EXISTENCE**

Irina S. Karpikova, Ekaterina V. Zimina, Aleksey A. Solomein

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Article info

Received
January 10, 2018

Abstract

The wide occurrence of social dependency and parasitism in Russia is regarded as a pressing problem by both social sphere professionals and researchers. It is evident that social dependency

Accepted
February 28, 2018

Available online
March 30, 2018

Keywords

Social dependence; social parasitism; sociological research; expert interview

Acknowledgements

The work is done with financial support from the Federal State Budgetary Institution «Russian Foundation for Basic Research» within the framework of implementation in 2017 the scientific project № 17-03-00477/17 «The influence of paternalism ideas on behavioral strategy: research of practices of social dependency and social parasitism of certain categories of population» (protocol № 4 (186) of March 15, 2017)

Неотъемлемой чертой и неизбежным спутником функционирования социальных и социально ориентированных государств, в основе деятельности которых лежат идеи патернализма, является проблема социального иждивенчества. Государство, обеспечивая социальные гарантии широкому кругу граждан, неизбежно сталкивается с появлением, а в дальнейшем и с увеличением количества индивидов, для которых экономическая зависимость от государства и общества в определенных ситуациях (старость, болезнь, сиротство) становится нормой [1, с. 72; 2, с. 103; 3, с. 206], а воспроизводство и поддержание ее механизмов — гарантией благополучия. В негативном варианте развития социальное иждивенчество трансформируется в социальный паразитизм, существование которого, возможно, менее обременительно для общества в экономическом смысле. В то же время социальный паразитизм «размывает» основу современной социальной политики, подрывает действие принципа социальной солидарности, нанося общественным устоям значительный урон [4], поскольку само его существование означает возможность для индивида жить за счет других, имея необходимые личностные ресурсы для самостоятельного обеспечения жизненными благами.

Очевидность социального иждивенчества как проблемы, требующей эффективных усилий по ее решению, определяет необхо-

димость научного анализа данного феномена. Отметим, что зарубежные исследования в области содержания, причин и факторов существования социального иждивенчества и паразитизма весьма распространены [5–10], многие из них основаны на результатах эмпирических исследований практик социального иждивенчества среди различных категорий населения.

Для современной России проблема распространения и укоренения практик социального иждивенчества приобрела несомненную актуальность и масштабный характер, что признается исследователями [1; 2; 11–13] и подтверждается мнением представителей социозащитных структур [4]. Данная проблема имеет ярко выраженный прикладной аспект, поскольку чрезмерное расширение масштабов социального иждивенчества негативно влияет на эффективность социальных расходов и необоснованно усиливает экономическую нагрузку на общество.

Необходимость усилий государства и общества по ограничению масштабов социального иждивенчества и паразитизма, созданию условий, при которых расширение его практик будет затруднительным, для современной России очевидно. В то же время решить указанную задачу невозможно без четкого понимания сущности и специфики проявлений социального иждивенчества, причин его возникновения, содержания и

масштабов распространения среди представителей разных категорий населения.

Ярко выраженной особенностью современных исследовательских работ по проблеме социального иждивенчества в России является преобладание в них публицистически описательного и констатирующего начала — описания феномена и констатации актуальности проблемы [14]. Сложившаяся ситуация во многом объясняется немногочисленностью и фрагментарным характером эмпирических исследований проблемы социального иждивенчества, что не дает возможности сформировать полноценную доказательную базу изучаемого вопроса и вывести его в плоскость принятия управленческих решений по повышению эффективности социозащитной деятельности современного российского государства.

Таким образом, формирование научной основы для реализации практических шагов требует восполнить пробел в области сбора и интерпретации эмпирических данных, всесторонне характеризующих масштабы распространения и укоренения, содержание и специфику практик социального иждивенчества и паразитизма в современной России.

По мнению авторов, подобные эмпирические исследования возможно и целесообразно проводить на уровне регионального социума, поскольку в России формирование комплекса социозащитных мероприятий, обеспечивающих «питательную среду» для социального иждивенчества и паразитизма, осуществляется в большинстве своем на региональном уровне, а проблемы регионов при реализации социозащитных практик во многом типичны.

Центральным звеном проводимых эмпирических социологических исследований должно стать изучение экспертных мнений, позволяющее при должном составе экспертов получить информацию о самых разных аспектах изучаемого вопроса. Мнение экспертов становится одним из наиболее значимых источников подобного рода информации, на основе которой можно сделать обоснованные выводы как о сущности изучаемых явлений, так и о причинах укоренения практик социального иждивенчества и паразитизма в современной российской действительности, а также определить возможные пути снижения масштабов и остроты проблемы.

В рамках реализации проекта «Влияние идей патернализма на поведенческие стратегии: исследование практик социального иждивенчества и социального паразитизма отдельных категорий населения», осуществляемого

при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, авторами во второй половине 2017 г. на территории Иркутской области было проведено эмпирическое исследование сущности, причин и факторов укоренения и распространения практик социального иждивенчества.

В рамках намеченной стратегии проведения качественного исследования коллективного экспертного мнения было применено сочетание двух методов сбора информации — экспертного полуструктурированного интервью и фокус-группы, проведенной в формате круглого стола. Характеризуя состав экспертов, принявших участие в исследовании, отметим, что и в том, и в другом случае изучалось мнение экспертов, принадлежащих к одним и тем же категориям профессионалов. Так, в качестве экспертов в исследование были вовлечены представители следующих сообществ:

- руководители законодательной и исполнительной ветвей власти регионального и муниципального уровня, а также представители федеральных структур, действующих на территории региона (например, аппарата Уполномоченного по правам ребенка);
- руководители и специалисты министерств и ведомств региона социальной и социозащитной направленности (социального развития, опеки и попечительства; труда и занятости; здравоохранения; образования; молодежной политики; системы исполнения наказаний);
- руководители и специалисты социозащитных учреждений региона (комплексных центров социального обслуживания; центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей; социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних; реабилитационных центров для детей и подростков с ограниченными возможностями; домов-интернатов для престарелых и инвалидов);
- представители некоммерческих организаций, работающих с социально уязвимыми категориями населения (обществ инвалидов, благотворительных фондов, кризисных центров);
- представители вузовской и научной общественности — специалисты в области социальной работы и социальной защиты населения.

Охарактеризуем более подробно количественный и качественный состав участников каждого из экспертных опросов, а также функции каждого из использованных методов сбора информации.

В ходе экспертного интервью было опрошено 84 специалиста, проживающих

в разных городах и районах Иркутской области (в Иркутске, Ангарске, Шелехове, а также в трех сельских районах). Характеризуя состав участников, отметим, что подавляющее большинство экспертов (более 70 %) составили руководители и специалисты учреждений социального обслуживания населения, около 20 % экспертов представляли структуры регионального и муниципального управления социальной сферой и менее 10 % составили представители социально ориентированных некоммерческих организаций.

Основной целью фокус-группы, проведенной в формате круглого стола, стала верификация и интерпретация результатов, полученных в ходе экспертного интервью, что обусловило состав экспертов. На заседание круглого стола было заявлено 38 участников, включая членов исследовательской группы, фактическое участие приняли 28 чел., среди которых значительную долю составили руководители законодательной и исполнительной ветвей власти регионального и муниципального уровня, руководители и специалисты министерств и ведомств региона социальной и социозащитной направленности, а также представители научной общественности. Данный состав экспертов в полной мере обеспечил выполнение поставленной исследовательской цели.

Целью проведенного качественного исследования стало получение экспертных оценок и мнений о сущности и степени распространенности изучаемых явлений, причинах укоренения практик социального иждивенчества и паразитизма в современной российской действительности, а также возможных способах снижения масштабов и остроты проблемы.

В рамках экспертного интервью и фокус-группы рассматривался и обсуждался следующий круг вопросов:

- интерпретация понятий «социальное иждивенчество» и «социальный паразитизм», определение сходства и различия между ними;
- оценка динамики масштабов социального иждивенчества и паразитизма в современной России, возможностей охарактеризовать масштабы и структуру данного явления с помощью показателей статистики;
- определение категорий населения, наиболее восприимчивых к повседневному применению практик социального иждивенчества и паразитизма;
- определение круга причин и факторов закрепления в российском обществе практик социального иждивенчества и паразитизма;
- характеристика норм права (на федеральном и региональном уровне), содержа-

щих возможность проявления и укоренения практик социального иждивенчества и паразитизма;

- иллюстрации (примеры проявления) практик социального иждивенчества и паразитизма, распространенных среди представителей разных категорий населения;

- возможные меры общественного воздействия, нацеленные на снижение количества и степени укорененности практик социального иждивенчества и паразитизма в современном российском обществе.

В рамках данной статьи наибольшее внимание будет уделено экспертным оценкам, касающимся содержания рассматриваемых категорий, а также причин и факторов их существования в современной России.

Эксперты, определяя понятия социального иждивенчества и социального паразитизма, дали разнообразные ответы, но достаточно четко обозначили существующие различия между ними. Так, социальному иждивенчеству экспертами были даны следующие определения: «Образ жизни индивидов, когда они намеренно или вынужденно (дети, инвалиды, пенсионеры) стремятся обеспечить себя за счет общества»; «получение гражданами от государства поддержки в виде денежных средств, услуг, а также желание получить от государственных органов все, что возможно»; «социальное явление, когда человек старается жить за счет других и не желает выполнять свои социальные обязанности»; «отказ личности от забот о собственном материальном содержании»; «стиль жизни или позиция человека, что все проблемы и потребности решаются через социальную помощь государства». Мнения экспертов относительно трактовки социального иждивенчества разнятся, однако среди них можно выделить центральное суждение, согласно которому социальное иждивенчество — это «система жизненных ценностей и установок трудоспособного человека, которая ориентирована на потребительское отношение к жизни и перекладывающая ответственность за свои материальные и другие блага на плечи общества и государства».

В определении понятия «социальный паразитизм» эксперты были практически единодушны, а наиболее емкое из всех данных определений выглядит следующим образом: «Осознанное социальное поведение, направленное на обеспечение для себя определенных условий существования, что, как правило, связано с антиобщественным образом жизни, с преступностью, нетрудовыми доходами».

Обобщая мнения экспертов о содержании указанных понятий, можно выделить различия между ними. Социальное иждивенчество объективно порождается необходимостью материального обеспечения государством лиц, которые по возрасту или состоянию здоровья не могут самостоятельно себя обеспечивать. Социальный паразитизм — явление негативного характера, образ жизни отдельных лиц или групп лиц, обеспечивающий им существование за счет других членов общества и за счет общества в целом.

Резюмируя ответы экспертов, следует отметить, что, по мнению большинства из них, понятие «социальное иждивенчество» включает в себя понятие «социальный паразитизм». Социальное иждивенчество может перерасти в социальный паразитизм. Однако не каждый социальный иждивенец является социальным паразитом. Данные понятия отличаются друг от друга способом решения проблем жизнеобеспечения: «иждивенец» ждет добровольной помощи, «паразит» ее добывается насильственным или противоправным путем.

Отметим, что вопрос о причинах существования социального иждивенчества и паразитизма в рамках как экспертного интервью, так и фокус-группы занял центральное место и вызвал наибольшее разнообразие ответов экспертов, отразив ярко выраженный дискуссионный характер данного вопроса.

Систематизируя и обобщая ответы экспертов, условно выделим несколько основных групп причин, иллюстрируя их высказанными мнениями и примерами:

1. Идеология государственного патернализма. «Покровительство со стороны государства, находящее свое выражение в законодательстве и ограничивающее инициативу, способствующее апатии при отсутствии реальной помощи и создании неравных возможностей», «невозможность создания государством условий для обеспечения равных возможностей людей для развития, жизнедеятельности; отсутствие пропаганды трудящегося человека как человека, меняющего мир вокруг себя в лучшую сторону», «социальное иждивенчество пришло к нам из советских времен, когда все рассчитывали на помощь государства (бесплатная медицина и образование, получение жилья и т. д.). И эта привычка сохранила свою актуальность (в особенности у старшего поколения людей), которую они передают молодому поколению, и в современное время мы поддерживаем эту тенденцию, считая, что государство нам постоянно чем-то обязано», «воспитанников детских домов во время проживания в

этих домах не учат домашней бытовой работе, разумному распоряжению деньгами, но по достижению возраста им предоставляется жилье и стипендия (для учащихся). И, кроме того что они не умеют пользоваться этими благами, у них закрепляется мысль о том, что все вокруг им должны и сами они могут не трудиться и не стараться».

2. Нестабильность экономической ситуации и проблемы в сфере занятости населения. «Как молодежи себя вести, когда нет новых рабочих мест, а старые сокращаются?», «у населения, как у молодежи, так и у людей среднего и старшего возраста, не хватает нужных компетенций для занятия высококвалифицированным трудом. Молодежь заканчивает вузы и не знает, что делать с этим полученным образованием».

3. Несовершенство системы социального законодательства. «Несовершенство нормативно-правовой базы (в случае умышленного социального иждивенчества), отсутствие санкций за тунеядство в длительный период», «превалирование категориального подхода над адресным при предоставлении социальной помощи», «низкие пенсии не стимулируют людей к работе, в том числе официальной», «можно рассмотреть ситуации, когда малообеспеченной семьей быть выгоднее, чем семьей, в которой доход ненамного выше среднедушевого дохода. Допустим, доход семьи меньше прожиточного минимума, и вот эта семья получает разные виды социальных выплат. В итоге семья находится в более выгодном материальном положении, чем та семья, у которой доход выше прожиточного минимума на 100, 200, 300 р. и т. д. и которая не получает различные социальные пособия и компенсации. И это приведет к незаинтересованности и нежеланию родителей искать работу с более высоким заработком. Это все является побуждением к социальному иждивенчеству», «причины сохранения состоят в том, что уровень оплаты труда в России невысок, в то время как социальные выплаты (в особенности по инвалидности, многодетным семьям) иногда ненамного ниже оплаты труда. В связи с этим у граждан возникает вопрос: «Зачем работать, если те же деньги можно получать, ничего не делая?».

4. Ослабление социального контроля на всех уровнях его реализации. «Раньше тунеядство, не говоря уже о попрошайничестве, презирилось и осуждалось, а сейчас всем все равно, работает человек или нет», «низкий уровень оплаты труда и возможность трудиться в теневом секторе экономики дают возможность работодателям уходить от ответствен-

ности при несоблюдении социально-трудовых гарантий работников. Это недопустимо, что в современной России большинство населения пытается скрывать свои реальные доходы, в том числе и для получения льгот, например, матери-одиночки, которые специально не регистрируют брак, чтоб иметь дополнительную возможность получить определенные блага от государства, тем самым нивелируя саму ценность семьи», «недостаточная работа фискальных органов, дающая возможность отдельным лицам скрывать свой реальный доход, мягкое («благосклонное») отношение в обществе к иждивенцам».

5. Изменение в обществе системы ценностных ориентаций. «Данная ситуация во многом сформировалась в 90-е гг., когда исчезла статья за тунеядство. Появились представления о возможности «прекрасной жизни» без профессиональных достижений, о жизни женщин за счет мужчин и мужчин за счет женщин. Появились обеспеченные люди, которые могли содержать других за свой счет», «легкомысленное отношение молодежи к жизни, к семье как социальному институту и к своему будущему в целом, пассивная позиция при возникновении жизненных трудностей», «с распадом Советского Союза были утеряны практически все формы трудового воспитания молодых граждан», «за последние годы вырисовывается очевидная модель на фоне всех имеющихся благ в обществе — «общество безграничного потребления», ведущая к ухудшению положения в стране».

6. Исторически сложившиеся в обществе традиции милосердия и благотворительности. «Милосердие, сострадание, желание помочь часто приводит к тому, что те, кому помогают, начинают принимать эту помощь как должное, осознавая, что нет смысла что-то делать самому».

7. Психологические особенности личности. «Иждивенчество — сформированная жизненная позиция, которая далее, как правило, перерастает в устойчивое личностное качество», «психологическое нездоровье населения, вызванное многими переменами в государстве за последние 20 лет», «может быть связано с психологическими особенностями индивида, возможно, с ленью».

Данная группировка мнений и позиций экспертов носит условный характер, поскольку одно и то же их утверждение может быть отнесено к разным группам причин. Кроме того, по данному вопросу наблюдалось значительное разнообразие мнений, что затрудняет систематизацию и интерпретацию полученных результатов. Тем не менее проведенный

анализ полученной от экспертов информации, соотнесенный с принадлежностью экспертов к тому или иному профессионально-статусному сообществу, дает возможность выделить ключевые позиции в изучаемом вопросе.

Большинство причин идеологического (патернализм), экономического, правового характера, которые назывались экспертами, непосредственными причинами возникновения социального иждивенчества и паразитизма не являются, а представляют собой факторы (совокупность условий), наличие и действие которых обеспечивают возможность поддержания и укоренения в обществе практик социального иждивенчества. Несовершенство закона, позволяющее «обойти» его нормы, или необходимость для молодого специалиста начинать трудовую деятельность с невысокого заработка сами по себе причинами формирования иждивенческих настроений не станут, если не попадут на «благодательную почву» ценностных деформаций личности или психологической склонности индивида к противоправным способам получения доходов. Более того, по мнению ряда исследователей, основополагающей причиной возникновения социального иждивенчества является биологически заложенная потребность индивида к обеспечению собственных потребностей с приложением минимально необходимых усилий [1, с. 74; 3, с. 206; 15, с. 17], а противодействовать такому желанию может только сформированная обществом система соответствующих норм и ценностей, разделяемая большинством.

Отметим, что среди ответов экспертов также прозвучало мнение, абсолютно созвучное вышесказанному: «Социальное иждивенчество — явление, характерное не только для современной России. Иждивенцы (тунеядцы) были всегда. Основные факторы иждивенчества — психологические особенности личности, воспитание, социальная среда».

Прослеживается четкая зависимость преобладающих вариантов ответов от позиции и статуса эксперта. Профессионалы, принимающие решения в социальной и социозащитной сферах (представители регионального и муниципального уровней управления, руководители социозащитных организаций), гораздо чаще указывали на факторы, сопутствующие возникновению и поддержанию практик социального иждивенчества и паразитизма. Рядовые специалисты учреждений социальной сферы, представители некоммерческих организаций, непосредственно работающие с людьми, а также представители научно-образовательного сообщества

преимущественно указывали на причины психологического и социокультурного свойства, составляющие основу возникновения иждивенческих установок в поведении индивида.

«Водораздел» между факторами и причинами важен еще и потому, что позволяет перевести проблему социального иждивенчества в практическую плоскость и обосновать систему мер по снижению масштабов и степени укорененности практик социального иждивенчества и паразитизма в современной России. Влияние на факторы идеологического, правового и экономического характера предполагает разработку перечня конкретных действий, а результаты возможно получить уже в кратко- и среднесрочной перспективе. Отметим, что в данном аспекте весьма показателен опыт советского времени, на который часто ссылаются в своих ответах эксперты. Достигнутый в то время высокий уровень социальной защищенности, который некоторыми экспертами указывается в качестве исторической причины широкого распространения в современной России практик социального иждивенчества, сопровождался функционированием системы

сдержек и ограничений противоправных действий населения в рамках возможных поведенческих стратегий социального паразитизма (например, как отмечали многие из экспертов, существовала статья Уголовного кодекса, наказывающая за тунеядство).

Что же касается причин социального иждивенчества, воздействие на них затруднено в силу их фундаментальности, однако это не означает, что в обществе и государстве не должны предприниматься усилия по минимизации их влияния. Для любого общества решение вопроса формирования соответствующих поведенческих норм и ценностей, разделяемых большинством, является основным с позиций самосохранения, поэтому наряду с решением кратко- и среднесрочных задач по созданию ограничительных механизмов распространения социального иждивенчества и паразитизма необходимо намечать задачи по консолидации общества в позитивном ключе, определять способы их решения и быть готовыми к тому, что результаты усилий общества в данном направлении можно будет наблюдать лишь в отдаленной перспективе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов И. С. Роль иждивенчества в системе социального обеспечения / И. С. Кузнецов // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2009. — № 3. — С. 72–75.
2. Мосейко В. В. Социальное государство vs социальное иждивенчество / В. В. Мосейко, Е. А. Фролова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — № 8 (149). — С. 102–107.
3. Шаровская А. В. Социальное иждивенчество как проявление проблемы самоактуализации личности общества потребления / А. В. Шаровская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 10-1. — С. 205–208.
4. Карпикова И. С. Особенности теоретической интерпретации феномена социального иждивенчества в условиях российского социума [Электронный ресурс] / И. С. Карпикова // Baikal Research Journal. — 2017. — Т. 8, № 4. — Режим доступа: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=21897>.
5. Borjas G. Ethnicity and the intergenerational transmission of welfare dependency / G. Borjas, G. Sueyoshi // NBER Working Paper. — 1997. — № 6175. — P. 40.
6. Bradshaw J. Public attitudes to dependency and the welfare state / J. Bradshaw, E. Mayhew // International Journal of Market Research. — 2004. — Vol. 46 (4). — P. 49–63.
7. Fraser N. A genealogy of dependency: tracing a keyword of the U. S. welfare state / N. Fraser, L. Gordon // Signs. — 1994. — Vol. 19, № 2. — P. 309–336.
8. Kathy D. Breaking the cycle: welfare dependency and family planning [Electronic resource] / D. Kathy // Policy & Practice of Public Human Services. — 2002. — Vol. 60, № 4. — Mode of access: <https://www.questia.com/read/1G1-97515215/breaking-the-cycle-welfare-dependency-and-family>.
9. Younes M. Three welfare recipients: the journey from dependency to self-sufficiency [Electronic resource] / M. Younes // The University of Nebraska-Lincoln. ProQuest Dissertations Publishing, 1996. — Mode of access: <http://digitalcommons.unl.edu/dissertations/AAI9715992>.
10. Zinn D. Welfare dependency as the language of social control / D. Zinn // Sage sourcebooks for the human services series. — 1987. — Vol. 4. — P. 216–257.
11. Жмакина М. О. Социальное иждивенчество как результат политики социального государства в современном российском обществе / М. О. Жмакина // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. — 2014. — № 6. — С. 399–403.
12. Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики / Т. Ю. Сидорина. — М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2005. — 442 с.
13. Сидорина Т. Ю. Операция «Welfare State»: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? / Т. Ю. Сидорина // Terra economicus. — 2012. — № 3. — С. 84–99.
14. Кузнецов И. С. Социальное иждивенчество: вызов современности / И. С. Кузнецов // Проблемы устойчивого развития российских регионов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Тюмень, 2016. — С. 349–352.
15. Малышев Д. М. Причины социального иждивенчества / Д. М. Малышев // Научный поиск. — 2017. — № 2. — С. 17–18.

REFERENCES

1. Kuznetsov I. S. Dependency role in social security system. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika = News from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, 2009, no. 3, pp. 72–75. (In Russian).
2. Moseiko V. V., Frolova E. A. Welfare State vs Social Dependency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2014, no. 8 (149), pp. 102–107. (In Russian).
3. Sharovskaya A. V. Social dependency as manifestation of consumer society individual's self-actualization problem. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2012, no. 10-1, pp. 205–208. (In Russian).
4. Karpikova I. S. Features of theoretical interpretation of the social dependency phenomenon in terms of Russian society. *Baikal Research Journal*, 2017, vol. 8, no. 4. Available at: <http://brj-bgu.ru/reader/article.aspx?id=21897>. (In Russian).
5. Borjas G., Sueyoshi G. Ethnicity and the intergenerational transmission of welfare dependency. *NBER Working Paper*, 1997, no. 6175, pp. 40.
6. Bradshaw J., Mayhew E. Public attitudes to dependency and the welfare state. *International Journal of Market Research*, 2004, vol. 46 (4), pp. 49–63.
7. Fraser N., Gordon L. A genealogy of dependency: tracing a keyword of the U. S. welfare state. *Signs*, 1994, vol. 19, no. 2, pp. 309–336.
8. Kathy D. Breaking the cycle: welfare dependency and family planning. *Policy & Practice of Public Human Services*, 2002, vol. 60, no. 4. Available at: <https://www.questia.com/read/1G1-97515215/breaking-the-cycle-welfare-dependency-and-family>.
9. Younes M. *Three welfare recipients: the journey from dependency to self-sufficiency*. The University of Nebraska-Lincoln, ProQuest Dissertations Publishing, 1996. Available at: <http://digitalcommons.unl.edu/dissertations/AA19715992>.
10. Zinn D. Welfare dependency as the language of social control. *Sage sourcebooks for the human services series*, 1987, vol. 4, pp. 216–257.
11. Zhmakina M. O. Social dependency as a result of social state policy in modern Russian society. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo = Sociology in Modern World: Science, Education, Creativity*, 2014, no. 6, pp. 399–403. (In Russian).
12. Sidorina T. Yu. *Dva veka sotsial'noi politiki* [Two centuries of social policy]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2005. 442 p.
13. Sidorina T. Yu. The «Welfare State» Campaign: Has it Decided the Problems of the Ideal State? *Terra economicus*, 2012, no. 3, pp. 84–99. (In Russian).
14. Kuznetsov I. S. Social dependency: challenge of modernity. *Problemy ustoychivogo razvitiya rossiiskikh regionov. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Problems of sustainable development in Russian regions. Materials of All-Russian Research Conference]. Tyumen, 2016, pp. 349–352. (In Russian).
15. Malyshev D. M. Social Dependency Problems. *Nauchnyi poisk = Scientific Search*, 2017, no. 2, pp. 17–18. (In Russian).

Информация об авторах

Карпикова Ирина Серафимовна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: karpikovais@bgu.ru.

Зимина Екатерина Викторовна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kate-rinovna@list.ru.

Соломеин Алексей Александрович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: solomein_84@mail.ru.

Для цитирования

Карпикова И. С. Социальное иждивенчество и социальный паразитизм в современной России: экспертная оценка причин и факторов существования / И. С. Карпикова, Е. В. Зимина, А. А. Соломеин // Известия Байкальского государственного университета. — 2018. — Т. 28, № 1. — С. 123–130. — DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(1).123-130.

Authors

Irina S. Karpikova — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: karpikovais@bgu.ru.

Ekaterina V. Zimina — PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: kate-rinovna@list.ru.

Aleksey A. Solomein — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: solomein_84@mail.ru.

For citation

Karpikova I. S., Zimina E. V., Solomein A. A. Social Dependency and Social Parasitism in Modern Russia: an Expert Assessment of the Causes and Factors of Existence. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2018, vol. 28, no. 1, pp. 123–130. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(1).123-130. (In Russian).